

Дарья Донцова

Девочка Красная Тапочка

Следствие ведет дилетант **Евлампия Романова**

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Девочка Красная Тапочка

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Девочка Красная Тапочка / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2022 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

ISBN 978-5-04-171804-6

Если хотите превратить кого-то в разъяренного тигра, просто скажите этому человеку: «Не нервничай». А как не нервничать, если у тебя такие печальные новости? У Лампы тяжело заболела подруга Лена Яковлева, жить ей осталось считанные месяцы. Мать, свекровь и муж Елены подозрительно равнодушно восприняли известие о скорой смерти женщины. Лена попросила Евлампию поработать вместо нее пиар-менеджером. А вторую подругу, Катю Захарову, — поухаживать за своим мужем, художником Егором, пока она будет лежать в больнице. И вот Катя сообщила Лампе, что у Егора есть любовница, это их соседка по подъезду Оксана. Лампа едет выяснять отношения с Егором и находит в квартире потрясенную Лену, а в мастерской Егора — бездыханную блондинку в пижаме на кровати. Лампа уже не рада, что во все это вмешалась... Дарья Донцова — самый популярный и востребованный автор в нашей стране, любимица миллионов читателей. В России продано более 200 миллионов экземпляров ее книг. Ее творчество наполняет сердца и души светом, оптимизмом, радостью, уверенностью в завтрашнем дне! «Донцова невероятная работяга! Я не знаю ни одного другого писателя, который столько работал бы. Я отношусь к ней с уважением, как к образцу писательского трудолюбия. Женщины нуждаются в психологической поддержке и получают ее от Донцовой. Я и сама в свое время прочла несколько романов Донцовой. Ее читают очень разные люди. И очень занятые бизнес-леди, чтобы на время выключить голову, и домохозяйки, у которых есть перерыв 15–20 минут между отвести-забрать детей». — Галина Юзефович, литературный критик.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171804-6

© Донцова Д. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Глава восьмая	28
Глава девятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Донцова
Девочка Красная Тапочка

© Донцова Д. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

Если хотите превратить кого-то в разъяренного тигра, просто скажите этому человеку: «Не нервничай».

– Ненавижу ее, – закричала Лена, – гадюка!

Я обняла подругу.

– Ну ты же не ждала от Галины Алексеевны сочувствия?

Лена вытерла ладонью лицо.

– Мать меня всегда терпеть не могла. Через месяц после моего появления на свет она меня спланировала в деревню к бабушке. Я там жила до смерти Евдокии Петровны.

Катя, которая до сих пор сидела молча, произнесла:

– Лен! Детство другим не сделаешь. Давай подумаем, как мы можем тебе помочь.

Но Яковлева не услышала ее слов, она продолжила:

– Господи! В Москву прикатил Маугли женского пола! В деревне я получала одни пятерки, а в столице съехала на двойки. И понятно почему! В сельской школе уровень преподавания ниже плинтуса! Сколько сил и времени я потратила, чтобы поступить в театральный институт! И не вышло! Всяких уродов брали, потому что их родители подсутились. А кому нужна талантливая девочка без блатов? Когда меня в четвертый раз на первый курс не зачислили, я разрыдалась в коридоре. Ко мне подошла женщина и сказала: «Из тебя может получиться хорошая актриса, но, понимаешь, без нужных знакомств никак. Сейчас весь курс набрали только из своих. А за тебя никто не просил».

Катя посмотрела на меня:

– Знаешь, где у Лены валерьянка стоит?

– Нет, – смутилась я, – могу в аптеку сходить!

– Не уходи, – взвизгнула Яковлева, выбежала из комнаты, и до моего слуха донеслись неприятные звуки.

– Вот всегда ее на стресняке тошнит, – вздохнула Катюша, – а теперь объясни: что случилось? Егор другую бабу завел? Амеба оживилась и вильнула налево?

– Ты не в курсе? – поразилась я.

– Ленка позвонила в шесть утра и зарыдала, – начала Захарова, – а мне смену сдавать, я носилась с градусниками и таблетками. Попросила: «Давай через полчаса поговорим». Яковлева в крик: «Нет на меня времени? Да пошла ты!» И отсоединилась. Ну никогда она так себя не вела! Ленка намного спокойнее меня. Я начала ей звонить, а она трубку не берет. Ну и после ночной я сюда рванула, а ты уже здесь.

– Заболела Лена, – уточнила я, – сейчас попытаюсь диагноз озвучить: умит... омефит... кривой вроде склероз!

– Боковой амиотрофический склероз? – прошептала Захарова.

– Точно, – кивнула я.

– О боже! – перекрестилась Катя.

Поскольку она никогда не ходила в церковь, то ее поведение сильно меня испугало.

– Что, все так плохо?

Захарова кивнула.

– Это прогрессирующее неизлечимое заболевание. Начинается, как правило, с поражения ног. Больные спотыкаются, на этой стадии они обычно идут к флебологу, думают: с венами что-то. Случается бульбарный БАС – неуправляемость громкостью речи, затруднение при глотании. Еще мышечный и латеральный.

Я повеселела.

– С этим можно жить. Я сама постоянно спотыкаюсь, частенько падаю, и ничего.

Катя поморщилась.

– Лампа, ты ногами загребаешь по причине природной косолапости и невнимательности, не болезнь это! Неуклюжесть! А БАС ведет к полному параличу при сохранении умственных способностей. Представь, через какой ад проходит человек, когда медленно, но верно умирает, каждый день ему все хуже и хуже, и он понимает: лучше никогда не станет. На поздних этапах, когда отказывает дыхательная мускулатура, несчастного подключают к искусственной вентиляции легких, он питается через зонд.

– Ужас, – прошептала я, – но, наверное, есть лекарство?

– Один препарат, он продлевает жизнь на короткий срок, – сообщила Катя, – недавно второй появился. Есть еще HAL-терапия, но она разрешена только в Японии и Европе. В хосписе, где я работаю, лежит один мужчина с БАС. Уж лучше под трамвай попасть. В мире известны лишь два случая, когда эта пакость стабилизировалась и дальше не развивалась. Был такой ученый Стивен Хокинг. Он прожил почти восемьдесят лет. И один гитарист, не помню, как его зовут, американский музыкант. Он до сих пор жив¹. Остальные... Обычно от начала заболевания до конца проходит от трех до пяти лет. И поверь, лучше побыстрее умереть. Кто ей диагноз поставил?

– Не знаю, – прошептала я.

Послышалось шарканье, в комнату вернулась Лена, она пожаловалась:

– У меня одна нога как из ваты!

Катя опустила глаза, а я произнесла:

– В твоих тапках ходить невозможно. Я купила себе похожие и выбросила их. Ленуся, ты же к врачу обращалась?

Подруга кивнула.

– И к кому в итоге пошла? – оживилась Катя.

– К Галкину, – всхлипнула Яковлева.

Захарова повернулась ко мне.

– Это мой контакт. Лена мне позвонила, спросила, к кому лучше обратиться по поводу судорог в ногах. Я посоветовала Игоря Михайловича. Прекрасный невролог. Лучший! Владелец клиники «Роза надежды». Мировая величина, профессор, доктор наук. Его вся Европа приглашает на консультации.

– Я поправлюсь, да? – обрадовалась Лена.

Катя натужно заулыбалась:

– Ну... э... понимаешь...

– Лечение долгое, – перебила я Захарову, – непростое, но главное найти опытного специалиста. Если Галкин хорош, то надо за него держаться.

– Он гений, – заявила Катюша. – А как у тебя все стартовало?

Лена села за стол.

– Стало сводить ноги. Голени. Да так сильно. Больно жутко. Днем скручивало, потом и ночью стало. Пришлось вставать, по спальне ходить. Егор сердится, я мужу спать мешаю, у нас комнаты разные, но ему все равно слышно. Я пробовала оставаться в кровати, но так выламывает, что плакать хочется. Аня, коллега по работе, посоветовала мне пить травяной сбор, но он не помог. Я сбегала к районному терапевту, та фигню понесла: «Запишитесь на массаж, у вас грыжа позвоночника». Я к флебологу, а он не лучше той дуры, заявил: «По моей части проблем нет!» Я задала вопрос: «К кому мне еще обратиться?» Не поверите, что кретин посоветовал: «Запишитесь в спортзал, укрепляйте спину и ноги. У вас не мышцы, а кисель». Я позвонила тебе и потопала к неврологу. Спасибо, Катюша, он замечательный. Провел обследование, сообщил, что у меня кривой склероз.

---

¹ Джейсон Беккер – 1969 г. р.

– Боковой, – поправила Захарова.

– Он сказал: «Мы поборемся», – чистила Лена, которую, похоже, отпустил ужас. – Катя, я же завтра не умру?

– Нельзя исключить, что ты не попадешь в автокатастрофу, не упадешь на лестнице, не сломаешь шею, – ответила Захарова, – но от БАС не наступает скорая смерть.

– Галкин говорил, что должно появиться новое лекарство, – воскликнула Лена.

Екатерина закашлялась.

– Он прав, – кивнула я, – перестань паниковать, начинай лечиться.

– Сначала я не истерила, – сказала Яковлева, – подумала: со склерозом полно людей. Мамаше своей про этот кривой склероз сообщила. А та в интернете прочитала, что я завтра покойницей стану, и приказала: «Завещание на меня составь». Я испугалась до жути, стала вам звонить.

– Не ходи в сеть, – посоветовала я.

– Нет, нет, я даже не открою поисковик, – пообещала Лена, – Игорь Михайлович предупредил: «Узнаю, что полезли по разным местам в интернете, не буду с вами возиться. Не надо пока родне и друзьям говорить о вашем диагнозе. Вокруг идиотов легион, помогать не станут, а пугать – с радостью».

– Правильно, – одобрила Катя, – молодец Галкин.

– Егор тоже не будет в сети шариться, – сказала Леночка, – он даже онлайн-магазином не пользуется. Мужа в соцсетях нет.

– Зато он гениальный художник, – воскликнула Катя. – Лампа, а ты как считаешь?

– Егор талантлив, – согласилась я, – правда, в его картинах я ничего не понимаю! Мне нравится, когда дерево – дерево, а человек – человек. А у него елки железные, на них квадратные бумажные апельсины висят, люди со страусиными ногами, руками-лапами.

– На Западе его называют: «современный Босх», им восхищаются, полотна покупают, семья за счет Егора живет, – заметила Катя, – все творческие люди на башку долбанутые. Но когда мужик громадные деньги загребают, то ему все простить можно.

Елена вздохнула.

– Катя! Ты права, любую работу Гоши на Западе сразу купят. Платят иностранцы моему мужу много. Даже после всех отчислений большая сумма останется. Но ты учти: ее надо растянуть на несколько лет! Егор медленно работает, и в России он совсем непопулярен...

Захарова погрозила Лене пальцем.

– Шестикомнатная квартира, плюс отдельная мастерская, машина, полный кошелек, отдых на лучших курортах – все тебе Егор обеспечивает.

– Ну... не совсем, – возразила Лена.

– Хочешь сказать, что ты за сидение на рецепшен в фитнесе миллионы огребаешь, – засмеялась Катя.

– Зарплату я получаю хорошую, но она вся уходит на насущные нужды, – призналась Яковлева.

У Захаровой зазвонил телефон. Она схватила трубку:

– Да. Ой! Совсем забыла! Бегу! Все! В голове моей опилки! Коллега неделю назад просила заменить ее, а я после работы полетела сюда. Забыла про вторую смену. Всех люблю, еще увидимся.

Когда Екатерина умчалась, Леночка взяла меня за руку.

– А ты помнишь, что мне обещала?

– Конечно, – ответила я, – завтра в полдень приеду в студию.

Яковлева молитвенно сложила руки.

– Только на две недели, пока Галкин проведет все обследования.

– Нет проблем, – ответила я, – не беспокойся!

Глава вторая

На следующий день утром мы с Вульфом завтракали вместе. Я рассказала мужу о болезни подруги.

– Амиотрофический склероз? – повторил Макс. – Жуть! Не повезло Лене! Хорошо, что ты согласилась ей помочь.

– Когда я пообещала отработать вместо Лены, то ни на секунду не сомневалась, что справлюсь, – вздохнула я, – а сейчас думаю: вдруг накосячу? Подведу ее?

Макс начал намазывать на хлеб масло.

– Давай спокойно оценим ситуацию. Некоторое время назад Елена пошла учиться на пиарщика. Так?

Я кивнула:

– Ей надоело в фитнес-зале на рецепшен сидеть, захотелось профессию приобрести, зарабатывать приличные деньги. Вообще-то Лена мечтала стать актрисой, не один раз пыталась поступить в театральную школу, но так туда и не попала. Служила в разных местах секретарем. Последнее время сидела в спортзале. А недавно отправилась на курсы пиара и рекламы.

– Подожди, – остановил меня муж, – вроде Яковлева замужем за известным художником, работы которого покупают иностранцы. Наверное, он не бедный. Детей у них нет, за садик, школу не надо платить, одевать-обувать ребенка не требуется. Квартира есть, живут они скромно, никуда не ездят. Должно им на жизнь хватать.

– Верно, – согласилась я, – но Егор картины долго пишет. Вроде за одно полотно огромную сумму получил, но растянуть ее семье надо на несколько лет. И у него есть мамаша, не просит у сына денег, она их требует, приговаривая: «Я кормила тебя, поила, одевала, теперь твоя очередь мне помогать».

– Ну, она права, – встал на сторону пожилой женщины Макс, – пенсии-то крохотные.

– Маргарита Семеновна владеет то ли семьей, то ли десятком квартирами в Москве, – объяснила я, – и все они находятся не на задворках, а в Центральном округе. Ей хватает на кусок хлеба с маслом, икрой и пирожным в придачу. Учти, она нотариус, а это пожизненное звание. Если получила лицензию, то до смерти будет при деле, никто ее не уволит, не выгонит. Зачем брать деньги у сына, когда своих много? Свекровь Лены редко приходит в гости, но всегда ведет себя по-хозяйски, открывает холодильник, комментирует его содержимое, отчитывает Лену. А у Егора трусливая позиция, он никогда жену не защищает, если после ухода гарпии Лена плачет от обиды, муж злится: «Вечно ты всем недовольна. Мама до сих пор работает, устает, на ней огромная ответственность лежит. Нотариус – это не девчонка за стойкой у входа в спортклуб, там ума не надо».

– Мда, – крякнул Макс, – некрасиво это.

– Все, что Егор за картину получает, быстро уплывает, – не умолкала я, – и он своими деньгами сам распоряжается. Лене дает раз в месяц немного на хозяйство и всегда со словами: «Трать аккуратно, я не олигарх». Средств, которые он выделяет, хватает дней на десять. Егор любит зимой клубникой побаловаться, из мяса только вырезку ест, он лакомка. Лена поэтому на рецепшен сидела, там неплохо платили. Но весь ее заработок уходил на семью. Лена поняла, что надо менять свою жизнь, пошла на курсы, отыскала в интернете объявление: «Талантливой певице требуется пиар-агент», и ее приняли на службу. Сегодня нужно приступить, а Яковлевой на обследование еще две недели ходить. Вот я пообещала поработать вместо нее. Лена с продюсером звезды только переписывалась, фото паспорта ей отправила. Но в нем ужасный снимок. И мы похожи.

– Только издали и в темноте, – хмыкнул Вульф, – попробуй, авось прокатит. Лене поможешь. Жалко ее!

– И не говори, – вздохнула я, – болезнь неизлечима, но есть шанс ее притормозить.

– Может, зря она из фитнеса уйти решила? – засомневался Макс. – Там стабильно платили. Как у певицы будет, неизвестно.

Я решила рассказать мужу про график Яковлевой.

– Спортзал начинает работу в семь, надо приехать к шести тридцати. Учти, на дорогу нужно сорок минут. Заведение находится в области в окружении богатых поселков, поэтому там оклад выше, чем в зале в спальном районе. Весь день на ногах, в форме, туфли на каблучке, улыбка на мордочке. На обед отведено полчаса. В восемь вечера можно уходить, в девять дома. Выходной один, плавающий. Отпуск – неделя. Бюллетень обязаны оплатить, но делают это неохотно. Если сотрудник болеет дольше десяти дней, найдут способ от него избавиться. Лена выяснила: даже начинающему пиар-агенту платят больше, чем ей сейчас. Встать в четыре тридцать не надо, можно взять несколько клиентов. Главное, начать, а там пойдет. Надеюсь, у меня получится изобразить великого пиарщика. Лене очень деньги сейчас нужны.

– У нее хорошо обеспеченная свекровь, – вспомнил Макс, – и мать не нищая. А муж, учитывая болезнь жены, должен заставить себя побыстрее картины писать.

Я махнула рукой:

– Мамаша Егора на лето всегда уезжает в Монако, у нее там квартира. Возвращается в конце сентября. Галина Алексеевна к дочери равнодушна, нельзя назвать ее любящей матерью. Егор никогда не изменит свой график написания полотен. Никто ради Лены свои интересы не ущемит! А ей так хочется получать хорошие деньги и не вскакивать в рань несусветную. Поэтому я решила прикинуться Яковлевой, надо ей помочь, мы много лет дружим. Около Лены сейчас еще только Катя. Она с Захаровой часто встречается.

– Я вернусь поздно, – сменил тему разговора Макс.

День покатился по привычным рельсам.

Вульф уехал, а я поспешила в ванную. Роза Леопольдовна ушла в магазин. Кису недавно отправили в лагерь с подружками. Мопсикхи Фира и Муся спят на моей кровати. Все хорошо, я могу помочь Лене.

Я быстро собралась и точно в указанный час оказалась у шлагбаума, который закрывал путь к студии. Из будки вышел охранник и устало спросил:

– Куда?

– В тесхолл! – ответила я.

Шлагбаум поднялся.

– Простите, а как туда доехать? – спросила я.

– Прямо, четвертый налево, второй направо, по кругу седьмой рукав, – зевнул парень и спрятался в дощатом сооружении.

Я покатила по дороге, которая давно просила ремонта, повернула налево, потом направо и уткнулась в кафе с прекрасным названием «Жри больше». Пришлось вернуться к месту старта и начать путь заново, прилежно считая про себя повороты: раз, два, три...

И вот удивление, я опять оказалась на том же месте. В конце концов я высунулась из окна и спросила у мужчины, который подметал асфальт:

– Как доехать до Тесхолла?

Дворник оперся на метлу.

– А вы прямо перед ним стоите! Железные ворота ихние!

– На охране мне объяснили, что надо ехать по кругу до седьмого поворота, – возразила я.

– Если бензин не жалко, катайтесь, – засмеялся собеседник, – Тесхолл вот он.

Не стоит рассказывать, как я бродила по коридорам в поисках помещения с названием «Яблоневый сад». Скажу лишь, что когда наконец оказалась в нужном месте, никаких фруктов там и в помине не было.

В маленькой грязной комнатухе за старой ширмой обнаружили столик, заваленный коробками с косметикой, вешалка с кофрами, диван, на котором лежала куча пледов, полная гримерша в очках и худенькая девушка.

– Добрый день, я Елена Яковлева, – отрапортовала я, – ваш новый пиарщик!

Девушка не ответила. Ворох одеял зашевелился, высунулась коротко стриженная голова, она чихнула и заговорила:

– Привет, Елена. Я Энн, директор и продюсер Бубы.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась я, теряясь в догадках, кто такой Буба и где он находится.

Энн села.

– Сегодня у нас съемка для программы «Честный разговор». Ты, конечно, знаешь этот проект.

– Естественно, – солгала я, никогда не смотревшая телевизор.

– Твоя задача распиарить Бубу, – продолжала Энн, – сделать ее мегапопулярной. Понимаю, тебе необходимо некоторое время, чтобы въехать в материал. Просто посиди, послушай. Если вдруг поймешь, что Бубу не туда заносит, останови съемку, подрихтуем. Ведущий Левушка мой друг, засады от него не жди. Скоро начнем. Вера, когда Буба сможет в кадр войти?

– Ща, – коротко ответила гримерша.

– Девчонки, готовы? – закричал веселый голос, затем мне в нос ударил резкий запах мужского одеколona.

Я повернулась к двери.

В первую секунду мне показалось, что в помещение ворвался здоровенный попугай в лаковых ботинках. Но потом стало понятно: это блондин в оранжевых брюках, зеленой рубашке, фиолетовом пиджаке и белых, блестящих до рези в глазах штиблетах на синей платформе. Волосы мужчины стояли дыбом, под глазом разливался синяк, а когда красавчик заговорил, во рту у него заблестели золотые зубы.

– Энн, выйди из мрака, – велел он.

Продюсер взвизгнула:

– Левушка! Как дела? Вау! Ты с драгоценными клыками! Крутой образ!

– Я волшебна и шоколадно живу, – ответил молодой человек, – клыки – это накладки, мой Сеня их придумал, народ аж вспотел, обсуждая: настоящие они или фигня, для эфира.

– Эй, если хотите снимать программу, то студия арендована до четырнадцати, – прокричал из коридора женский голос, – ровно в два сваливайте.

– Готово, – мрачно произнесла гримерша.

– Отлично, ускоряемся, – приказал Левушка и выбежал из-за ширмы, – отличненько!

Энн, устраивайся вон там. Девушка в гримерке кто?

– Елена, наш пиар-директор, – представила меня продюсер.

Я улыбнулась и вышла в студию:

– Добрый день.

– Сядьте где-нибудь, – велел ведущий. – Буба, а ты в креслице! Удобненько?

Девушка заняла нужное место и горько заныла:

– Нет! Воняет какой-то дрянью, сиденье жесткое. Отвратительно.

Парень цокнул языком.

– Солнышко, разве кто-то обещал, что ты на вершину без проблем залезешь? Терпи! Створожься! Петя, опетличь гостью.

– Звук на ней, – зевнул оператор единственной камеры, – давайте начинать, чтоб живее закончить. Лева – хлопок.

Парень поднял руки и ударил ладонью по ладони.

– О'кей, понеслись, тишина, – объявил Петр, – мотор идет.

Глава третья

– Здравствуйте, наши дорогие зрители, – идиотски-бодрым тоном завел Лев, – у нас в гостях прекрасная талантливая певица Буба. Вы, конечно, знаете, что она победитель наипрестиж... стиж... ней... прес...

– Лева, – остановил ведущего оператор, – скажи просто: популярного!

– Популярного, – затараторил парень, – всеми любимого, уважаемого не только в России, но и во всем мире конкурса «Голос Будюкина», который проводится в поселке городского типа Зыковка.

Я опешила. Если певцы соревнуются в неведомой мне Зыковке, то почему конкурс именуется «Голос Будюкина»?

– Петя! У ведущего синяк стек, – меланхолично заметила гримерша.

– Подмажь, – велел оператор, похоже, он одновременно являлся и режиссером.

Тетушка медленно приблизилась к ведущему, тот неожиданно чихнул.

– Нинка, стой, – завопила Энн, – золотые зубы вылетели, на полу валяются!

– Где? – начала озираться Нина.

– Слева от твоей правой ноги, – сказала продюсер.

– Слева от правой ноги, – повторила гримерша и застыла.

– Посмотри налево от правой ноги, – посоветовала продюсер.

– Как можно посмотреть налево, если она справа? – недоумевала Нина.

– Лева, зачем тебе дурацкие накладки? – осведомился Петр.

– Зрителю нравится эпатаж, – объяснил ведущий, – типа я весь такой!

– Какой? – потребовал конкретного ответа камермен.

– Нестандартный, – уточнил Лева, – с синяком под глазом, зубами золотыми!

– Ясно, – кивнул Петр, – есть предложение: сегодня ты такой как все. Времени мало, тратить час на поиск фигни из дерьма, которая на здоровые клыки надевается, мы не можем.

– Вот они, – заликовала Энн, поднимая с пола «золотую» челюсть. – Держи.

– Мерси, зайка, – поблагодарил ведущий. – Где я остановился?

– Типа «Зыковка», – подсказал оператор.

– Лечу дальше, – заявил Левушка, впихивая в рот золотые клыки.

Я заморгала. Парень мог бы их мирамистином протереть.

– А сейчас певица с успехом гастролирует по России, собирает целые залы в Москве, – заорал рулевой программы. – Дорогая Буба!

– Чего? – осведомилась девица.

– Давайте вспомним ваше детство, – предложил Левушка, – поговорим о папе, маме. Знаю, что у вас необычная семья.

– Ну, не как у всех, – подтвердила Буба, – типа отец визажист, мать визажистка...

– Стоп! – скомандовала Энн.

Мужик за камерой закатил глаза:

– Начинается!

– Буба, твой папаша визирь! Его зовут Александр. А мать графиня, – заявила продюсер, – Люна фон Дробллер.

У меня сам собой открылся рот. Вроде визирь – титул чиновника самого высокого ранга в мусульманских государствах. А графиня фон Дробллер скорей всего родом из Германии. Навряд ли возможен брак между этими людьми.

– Ок, – простонала Буба.

– Мотор идет, – объявил оператор.

– Ответьте на мой вопрос, – заулыбался Лева.

– На какой? – спросила певица.
– О ваших родителях, – напомнил ведущий.
– Папа визи... визи... – замямила девица.
– Ваш отец визирь? – пришел на помощь Левушка.
– Во! Точняк! – обрадовалась Буба. – А мать... она... этого... ну... в общем... случился полный... как его...

– Понимаю ваше волнение, – зашебетал Лева, – ах, дорогая, какая любовь связывала визиря и графиню! Они наплевали на все условности, обычаи, традиции и тайно сочетались браком. Король разгневался, велел отрубить вашему отцу голову...

Лева уставился на гостью.

– Велел отрубить вашему отцу голову...

– Че на меня смотреть, как на клизму с кипятком? – рассердилась Буба.

Ведущий одернул пиджак.

– В сценарии указано: «после слова «голову» героиня закатывается в рыданиях».

– И че? – пожалала плечами восходящая звезда. – Куда мне катиться? Конкретно не хочу на пол ложиться, он весь усратый!

– Тебе надо заплакать, – пояснила Энн.

– Хотите рыдать? На здоровье, – заявила гримерша, которая уже успела сложить все свои вещи в сумку на колесах, – только я на другую съемку уезжаю. Вы оплатили один час.

Визажистка живо шмыгнула за дверь.

– Кука, рыдай аккуратно, чтобы грим не потек. Кука, ты поняла меня? – осведомился Левушка.

– Она не Кука, а Буба, – процедила Энн, – запомни имя героини.

– Прости, Ньюшенька, – забормотал Лев, – на первой программе утром я записывал певичку Куку. Вот и выскочило не то имя. Прекрасно знаю, что передо мной восхитительная, талантливая Бубла!

– Буба, – рявкнула директор.

– А я как выразился? – заморгал ведущий.

– Гугла! – топнула Энн.

– Тебе послышалось, – возразил Лева.

– Время идет, мне на другую съемку скоро, – подал голос оператор, – ускорьтесь.

Лева потряс головой.

– Дорогая Дуба!

Энн схватила лист бумаги, фломастер, встала за спиной оператора и подняла импровизированный плакат:

– Левка, вот тебе суфлер.

Ведущий прищурил один глаз.

– Дорогая Бубли...

– Ты читать разучился? – разозлилась секретарь. – Буба!

– Написано Бубли, – не дрогнул Лев.

Энн опустила лист.

– Это не «и», я так пишу «а». Сейчас поправлю. Вот! Теперь даже идиоту ясно!

– Мотор идет, – исполнил свой припев оператор.

Левушка одернул пиджак.

– Ах, какое у вас прекрасное детство было, поэтому вы выросли жутко, страшно талантливой. К сожалению, время нашей программы ограничено, я уверен, что зрители уже в нервном напряжении. Все хотят услышать новую песню. Дорогая Бублис, что вы исполните?

Энн подскочила к Левушке и стукнула его листом бумаги по макушке.

– Бубли! Бубли! Как бублик, только без «к». Как тебе в голову Бублис влетел?

Лев отнял у продюсера измятый лист и расправил его:

– Читай!

– Бубли! – озвучила Энн.

– Бублис, – возразил ведущий. – Неужели ты не видишь «с»?

– Это хвост от «и», просто сильно загнулся, – ответила директор.

– Мотор идет! – пробурчал Петр.

Я кашлянула.

– Что еще? – накинулась на меня Энн. – Тихо посидеть не можешь?

– Вы написали Бубли? – осведомилась я.

– Да! Бубли! А он читает Бублис, – завопила Энн, – а тебе, пиарщица, лучше захлопнуть пасть и говорить по делу.

Я ухмыльнулась:

– Трудно вести беседу при закрытой пасти. А теперь по делу. Певица носит имя Буба. Не Бубли и не Бублис.

– Мотор, – начал оператор, рассмеялся и посмотрел на меня: – Молодец, так их!

– Конечно, Буба, – взвилась Энн. – Откуда Бублик?

Лева показал на лист:

– Бубли тут по-твоему, Бублис по-моему. Бублика не упоминали. Но и Бубы здесь нет!

Стало тихо.

– Стопимся или снимаем? – осведомился оператор.

Лева потряс головой.

– Начали! Дорогие наши зрители! Прекрасная, ужасно талантливая певица имеет много имен. В Европе она Бубли, на Востоке Бублис, у нас Буба, Бубка, Губка. Но, несмотря на столь широкий диапазон обращений, голос Бубки-Бублиси-Бублятины всегда звучит чарующе нежно. Дорогая, исполните для нас песню, которую еще никто не слышал. Есть такая?

– Ваще не вопрос, – обрадовалась певица, – целых двенадцать. Все могу!

– Как вы талантливы, – простонал Левушка, – выберите самую жизнеутверждающую, оптимистичную.

– Круть, – кивнула Буба, – «Яблоко на помойке» называется.

Лев изобразил бескрайний восторг.

– Начинайте скорей, встаньте вот здесь, и вперед.

Буба заняла нужную позицию, Энн протянула ей гитару. Через секунду раздался душе-раздирающий звук. Если кто не знает, сообщу: я имею диплом консерватории. Я арфистка, некоторое время работала в симфоническом оркестре. Моя мать – оперная певица, которая завершила карьеру, узнав о том, что беременна. Танцую я как слон, с голосом у меня беда, но на музыкальный слух я никогда не жаловалась. Моя матушка всегда хорошо относилась к эстрадным исполнительницам, говорила: «Да, тембр и сила голоса на троечку, чистота интонаций, качество звучания, сложность репертуара тоже не заслуживают отличной оценки. Но можно положительно оценить артистизм и оригинальность исполнения. Эти исполнители работают для своего слушателя, пробуждают в его душе светлые чувства. Текст и музыка простые, но именно такие и нужны на эстраде». Интересно, как бы отреагировала моя мама, услышав исполнительницу Бубу? Девица вопила как патрульная машина ДПС, которая несется к месту аварии. Текст в сочетании с музыкой меня потряс.

– Ночь мрака и черного неба, – завывала девица, – смерть за углом моего разума, и все твари в темноте! От жизни такой охота сдохнуть, бери веревку, шагай за мной! А-а-а! Бери веревку, шагай за мной!

Буба на секунду остановилась, ей элементарно не хватило воздуха.

Если вы решили стать певцом, неважно каким, академическим или эстрадным, то первое, с чего педагог начинает занятия, правильное певческое дыхание. Можно выйти на сцену,

не зная нот, громко фальшивить, можно стать кумиром толпы, которая тоже мало смыслит в музыке. Но тогда ты крикун, визгун, шептун, кто угодно, но не певец.

Буба начала втягивать в себя воздух. Лева обрадовался паузе:

– Прекрасно! Восхитительно! Спасибо! С нами была певица Кукунель!

– Снято, – обрадовался оператор.

– Я не исполнила до конца зонг, – обиделась Буба, – только начала! А меня оборвали!

Левушка вскочил.

– Не надо выкладываться по полной. Следует сохранять интригу. Твое жутко талантливое произведение недопето, и поэтому народ начнет его скачивать, чтобы узнать: а дальше что?

Послышался звук шагов, в студию вошла группа людей: парень с камерой и штативом, женщина с сумкой на колесах и две девушки. Одна из них взвизгнула:

– Левушка! Мы вовремя. Знакомься, гениальная певица Бука! У нас много роскошных песен!

– Рад вас видеть, – завел Лева, – девочки, простите, я убегаю, надо переодеться.

– Мы уходим, – процедила Энн.

– Родненькие, был счастлив вас видеть, спасибо, что уходите! – улыбнулся ведущий и живо удрал.

Я от всей души посочувствовала парню. Сначала он записывал программу с Кукой, потом появилась Буба, а теперь Бука. Ну как тут сохранить психическое здоровье? Каким образом не перепутать девиц, которые и внешне похожи, как куриные яйца от одной несушки?

Глава четвертая

- Что скажешь? – осведомилась Энн, когда мы сели за столик в кафе. – Есть идеи?
- Для начала надо поменять псевдоним, – честно ответила я, – Кука, Буба, Туба, Дюба...
Ваша певица затеряется в массе таких же. Придумайте нечто оригинальное.
- Например? – перебила меня продюсер.
- Если репертуар состоит из песен, подобных той, что прозвучала на программе... – начала я и услышала сердитый возглас «звезды»:
- Я пишу по-разному! Есть сопливая лирика и оптимистичные баллады.
- Можете прочитать любой текст? Негромко, – попросила я, – здесь много людей, не стоит петь.
- Маленький цветок под лопатой могильщика на кладбище гибнет, – продекламировала Буба.
- Это лирика, – уточнила я, – или оптимистичная баллада?
- Микс из них, – сообщила исполнительница, – душевное со смешком. В студии я исполняла зонг из цикла «Убей гражданина». Есть еще автобиографические песни. «Памятник себе я построила не руками. После смерти моей тропой к нему люди пойдут. Он поднялся выше Эмпайр-стейт-билдинг...»
- «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа, Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа...» – продекламировала я начало стихотворения Пушкина.
- Ага, – заулыбалась Буба, – моя бабка любит канал «Культура», вечно его глядит. Там кто-то свои стихи читал. Я оновила текст.
- Учитывая репертуар, вам мог бы подойти псевдоним «Гнилое жало лягушки», – выпалила я и в ту же секунду поняла, что навредила Ленке по полной программе, Яковлева может потерять работу.
- Надо побыстрей удрать, пока я не наговорила других глупостей. И тут, на мое счастье, ожил мобильный.
- Лампуша, ты где? – всхлинула Катя.
- У меня похолодели руки.
- На рабочей встрече. Что случилось?
- Егор решил, что Лена отравила его мамашу, – зашмыгала носом Захарова.
- Ты о чем? – не поняла я.
- Ленуська дала матери Егора пирожное, – прошептала Екатерина, – и Маргариту сейчас отвезли в больницу. У нее инсульт.
- Энн встала.
- Мы подумаем над вашим предложением.
- Подожди, – попросила я Катю и повернулась к продюсеру Бубы: – У вас есть мой телефон?
- Да, – уточнила Энн, – только ты переписывалась со мной по другому, не по тому, что раньше дала.
- Отлично, – обрадовалась я, – теперь звоните и пишите на новый номер.
- Чтобы продолжить разговор с Катей, мне пришлось подождать, пока парочка скроется из виду.
- Инсульт серьезная болезнь, но свекровь Лены за границей! Как Яковлева могла ее пирожным угостить?
- У мамы Егора мерзкий характер, а у всех вредин рано или поздно случается мозговой удар. От злости давление как на качелях скачет: вверх-вниз-вверх-вниз. А у добрых оно

стабильное. Не высокие цифры опасны, а скачки, – пояснила Катя. – Эклер ей Лена неделю назад предложила. А инсульт сегодня стукнул. И он не ужас-ужас! Микро. Бабка ходит, разговаривает. Но требует присутствия сына, пусть он с ней сидит.

– Неприятно, что с Маргаритой Семеновной такая беда случилась, – вздохнула я, – но Лену надо на обследование сопровождать. Одна она не доедет. А у свекрови не самое тяжелое состояние.

– Думаю, она вообще врет, – отрезала Захарова, – Егор мамашке сообщил, что жене плохо. И через час та позвонила: «У меня инсульт! Ленка дала мне пирожное, из-за него удар случился». Кричит старуха как здоровая. Но обломалось ей! Сыночек отказался Москву покидать.

– Все-таки он Лену любит, – обрадовалась я.

– Ха! – рассердилась Катя. – Он предложил мне Лену возить на обследование. Я объяснила ему, что работаю сутки, потом двое дома. Но на самом деле не отдыхаю, пашу в других местах. Лену надо к девяти в клинику притаскивать и забирать в пятнадцать. Как мне успеть? А он в ответ: «Я веду переговоры с заказчиком». Егор реально сошел у ума, он считает, что у обожаемой маменьки удар случился из-за Ленки.

– Эклер-то съеден давно, а инсульт только сейчас произошел, – напомнила я.

– Да врет она, – зашипела Захарова, – Маргариту ломает, когда не все внимание ей! Если человеку дурно, он по телефону не треплется, не скандалит. В хоспис не все умирать приезжают, кого-то там на ноги ставят. Знаешь, я радуюсь, когда больной истерить принимается или обижается: «Я просил куриный суп, а дали рыбный!» Помню, каким его привезли. Тихий, безучастный, вообще ничего есть не хотел. А сейчас выговор персоналу сделал. Ура! На поправку дело пошло. Если на медсестер орет, то со здоровьем у больного неплохо.

– Свекровь может нервничать из-за болезни невестки, – предположила я, – но Маргарита не стала для Лены второй матерью, навряд ли она сильно переживает.

– Вот Яковлевой повезло. Маргарита и Галина Алексеевна сладкая парочка, – хихикнула Катя, – они разные по характеру, друг друга терпеть не могут, но в одном сходны: обе ненавидят Ленку. Да и Егору на жену наплевать, а меня вообще видеть не хочет. Я, дура, привезла ему сегодня суп. Борщ. Яковлева вчера вечером позвонила, попросила: «Свари свой борщик с черносливом. Муж пообедать захочет, а он только свежеприготовленное ест. Да и я утром уеду голодная, днем тоже не поем. Вечером супчик наверну». Я после двух суток спать не легла, все сделала, притащила термос, Егор меня дальше прихожей не пустил, почти вытолкнул, сказал: «Маме плохо стало после того, как она пирожное съела, которое ей Ленка дала. Она ее отравить решила. Вернется из больницы, поговорю с женой серьезно».

– Он сошел с ума! – возмутилась я.

– Нет, – возразила Катя, – всегда идиотом был. Но сейчас дело в ином, он любовницу завел.

– Кто? – поразились я. – Егор?

– Да, – подтвердила Захарова, – и я знаю кого. Оксану Чернову. Она с Яковлевой в одном подъезде живет, на этаж выше. Очень удобно. Ленка на работу в фитнес рано сваливала, и до ночи ее не было. Оксанка не знаю где служит, но она часто дома сидит, муж у нее старый, богатый. Дедулька-червяк с сочным яблочком. Оксана ровесница Лены, детей нет, выглядит лет на десять моложе Яковлевой. И понятно почему. Чернова живет в свое удовольствие. Спит вволю, гуляет, шмотки модные покупает, в СПА-салон постоянно ходит. Домработница у нее есть для ведения хозяйства. А Ленка в прислугах у Егора, денег ей даже на маникюр не хватает, старье донашивает. У Яковлевой только пахота без конца и края. Зимой она ходит в пуховичке, который лет десять таскает, а соседка в соболях, в ушах и на пальцах бриллианты. Егор к жене интерес редко проявляет, да и за две минуты управляется, ширь-пырь, и бегом. Ленуська сначала переживала: разлюбил ее принц! Потом решила, что у супруга с годами пыл поубавился,

и успокоилась. И что? Оксаночка ему все услуги оказывает, пока ее дедуля и жена любовника отсутствуют. Хорошо они устроились! Ехать никуда не надо, ей можно в халатике по лестнице сбежать.

– С чего ты взяла про соседку? – возмутилась я.

– Скажи, у Ленки есть тапки розовые с помпонами из натурального меха? – неожиданно осведомилась подруга.

– Странный вопрос, – удивилась я, – ты прекрасно знаешь, что все розовое Яковлева называет: «одежонка для поросенка». Она скорее босиком ходить будет, чем на нечто из меха посмотрит. Ленка активный борец против убийства животных.

– Верно, – согласилась Катя. – А теперь скажи, почему у Егора под вешалкой затырено такое?

Телефон моргнул, на ватсапп упало фото.

– Получила? – осведомилась Захарова.

– М-м-м, – протянула я, рассматривая снимок, – странно! Это пантофли!

– И последний вопрос, – пропела Катя. – Что делают тапки соседки в прихожей квартиры, где живут Лена и Егор? Да еще днем, когда жены совершенно точно дома нет.

– Ну... – протянула я, – может, она... э... э...

– Не старайся, – остановила меня Катя, – все равно ничего не придумаешь.

– С чего ты решила, что это обувь соседки? – удивилась я.

– Да сто раз ее в них видела, – объяснила подруга. – Приеду к Ленке, а в подъезде эта... стоит, почту вынимает, и всегда в такой обуви.

Я молчала.

– Супер, да? – спросила Катюша. – Теперь представь, что случится, если Ленка когда-либо неожиданно домой днем вернется? То-то ей кайф! Муж на нее не смотрит. И вот он в супружеской постели с шалавой! Со здоровьем у Лены плохо, любой стресс ее убить может.

Я перестроилась в левый ряд.

– Сейчас к нему заеду, попробую голову Куркину на место вернуть.

– Прикольно, если в спальне Оксану найдешь, – засмеялась Захарова, – тогда ему и возразить будет нечего. Только зря время потеряешь. Он тебя пошлет куда подальше.

– Не уйду, пока все ему не выскажу, – пообещала я и надавила на педаль газа.

Глава пятая

Подойдя к двери квартиры Куркина, я поняла, что она не заперта. Я дернула за ручку, вошла в прихожую, увидела брюнетку с короткой стрижкой, пришла в изумление, но вежливо поздоровалась:

– Добрый день.

– Привет, – прошептала незнакомка голосом Яковлевой.

Я присмотрелась:

– Ленуся! Это ты?!

Подруга кивнула, а мне сразу стало понятно, что произошло.

– Вместо того чтобы посетить врача, ты отправилась в салон?

– Я приехала на обследование, – объяснила Лена, – а у них электричества нет. На улице какие-то работы ведут, повредили провод. Галкин очень извинялся, сказал: «За десять минут до вашего появления здание обесточилось». Я на улицу вышла, домой ехать не хотелось, решила: раз у меня начинается новая жизнь, с болезнью, то надо что-то поменять! Кардинально. Денег, как всегда, нет. Вернее, есть, но на хозяйство. Впервые наплевала на продукты и порулила в салон. Вернулась домой, дверь в мастерскую открыта. Егор никогда створку не запирает. Он мне запрещает заглядывать в мастерскую, но я нарушила правило, подумала: раз заболела, то мне нужна поддержка Егора. Пусть он похвалит и стрижку, и окраску, и вообще меня. Отправилась в его мастерскую. А там...

Яковлева затряслась, потом закрыла лицо ладонями.

– Что? Говори, – попросила я.

– Сама посмотри, там соседка Оксана, – пролепетала Лена, – иди, там открыто...

Я поспешила на лестничную клетку.

У Яковлевой огромная квартира, она принадлежит Егору, отец которого, доктор наук, профессор, академик, главврач медцентра, считался одним из лучших педиатров СССР. К Андрею Валентиновичу Куркину везли больных детей не только из всех союзных республик, но и из разных стран. Гениальный диагност, хирург с волшебными руками, очень любил своих пациентов. Старший Куркин мог остаться дежурить на ночь, потому что опасался за жизнь недавно прооперированного им малыша, он помнил всех спасенных ребят по именам. Но у профессора не было времени на Егора, сына воспитывала мать.

Наверное, не надо объяснять, что у семьи были дача и роскошная квартира. Дом, в котором Егор обитал с детства, а сейчас живет вместе с Леной, расположен в тихом центре Москвы. Те, кто приезжает в столицу из других городов, услышав слова: «Я живу на Старом Арбате», восклицают: «И как ты в шуме, гаме существуешь?» Но коренные москвичи знают: есть улица Старый Арбат с художниками, магазинами сувениров, полубезумными ораторами, музыкантами и толпами экскурсантов. А есть немаленький район Старый Арбат, вот там тихие зеленые переулки. В одном из них и находится гнездо Куркиных. Маргарита Семеновна давно живет за городом, что не мешает ей прикатывать в Москву, чтобы указать невестке на все ее ошибки. Маргарита села за баранку в середине семидесятых годов двадцатого века. Женщин, которые водили личную «Волгу», тогда почти не было. На красавицу блондинку заглядывались даже сотрудники ГАИ. Вылезать из-за руля вдова доктора не собирается и сегодня. Но к радости Лены, летом свекровь живет в Монако.

Апартаменты Андрея Валентиновича состояли из двух квартир: шести- и двухкомнатной. Раньше их объединяла дверь. Наверное, Маргарита рассчитывала, что после смерти мужа станет владелицей всей семейной недвижимости. Но Андрей Валентинович завещал роскошную московскую квартиру сыну, а большой загородный дом достался вдове. Там она сейчас и живет. Зиму проводит в Подмосковье, лето за границей. В шестикомнатной квартире всего

два обитателя: Лена и Егор, там же есть спальня Маргариты на случай, если даме придет в голову заночевать в Москве. А меньшее жилье стало мастерской Егора, дверь между квартирами заложили. В мастерскую заглядывать запрещено всем, кроме натурщиков. Даже мамочка художника туда не суется. Понимаете почему слова Лены: «Посмотри сама, там открыто» – удивили меня?

Я распахнула дверь на сакральную территорию. Потом, встав не понятно зачем на цыпочки, миновала санузел, кухню и очутилась в большом зале.

В центре находился мольберт, неподалеку от него стоял столик, на нем было несколько бутылок с дорогой импортной минералкой, ваза с виноградом и персиками, чуть поодаль, под подоконником, темнела спортивная сумка, у стены притулилась старинная кровать с железными спинками. Я увидела роскошное шелковое белье нежно-розового цвета, все в кружевах, гору подушек, пуховое одеяло и молодую женщину, которая лежала поверх перины. Она показалась мне похожей на Лену, у нее были такие же длинные белокурые волосы. Потом я вспомнила, что подруга неожиданно кардинально изменилась, сейчас она брюнетка с короткой стрижкой.

На незнакомке красовалась дорогая пижама, блуза была расстегнута, под ней виднелся черный кружевной топ. Блондинка лежала с закрытыми глазами. Я попыталась, но просто убежать показалось мне глупым, лучше разбудить незнакомку, поэтому я решила завести с ней разговор:

– Добрый день! Вы, наверное, натурщица Егора? Он начал работу над новой картиной? Просыпайтесь, художника нет. Вам лучше уйти.

Дама не ответила. Я опять приблизилась к кровати и поняла: женщина не дышит.

Ноги сами собой вынесли меня вон из квартиры. Встав у лифта, я набрала номер Костина и начала говорить.

– Понял, принял, – ответил мой друг и главный детектив сыскного агентства Макса, – ты знаешь, как надо действовать. Сколько квартир на лестничной клетке?

– Две, – доложила я, – обе принадлежат Егору.

– Запри дверь в мастерскую, – велел Костин, – сейчас я вызову Леонида. Скоро с ним прибудем!

Время до приезда Володи я провела в жилых апартаментах, напоила Лену чаем с мятой. Когда появился Костин, Яковлева спала в столовой на диване. Я рассказала Володе все, что знала.

– Мда, – крикнул лучший друг, когда поток информации иссяк. – Что ты думаешь обо всем?

– Не знаю, – пробормотала я, – Оксана умерла. Вероятно, у нее болезнь какая-то?

– Ну, это выяснится, – сказал Володя, – сейчас приедут Леня с ребятами, они всем займутся, а мы будем на подхвате.

Не успел Костин договорить, как раздался знакомый голос Федотова:

– Вовка, Лампа, где вы спрятались?

Лена вздохнула, зашевелилась, села, потерла глаза и удивилась:

– Володя? Что ты здесь делаешь?

– Как ты себя чувствуешь? – осведомился, в свою очередь, Костин.

– Хорошо, – фальшиво бодро ответила Яковлева, встала и зашаталась.

Я бросилась к ней.

– Не волнуйся, – прошептала она, – голова закружилась, ноги ватные.

– Мы вызвали «Скорую», – сообщил Леня, – женщина в мастерской жива. Дышит еле-еле. Не реагирует ни на что. Похоже, она в коме. Но я не медик.

– Елене плохо, – заявил Володя, – ей тоже нужен врач. Вызвать вторую машину?

– Нет, – возразила я, – у Ленуси есть некоторые проблемы со здоровьем. Лучше ей к своему доктору отправиться.

– Да, да, – зашептала Яковлева, – Лампуша, номер у меня в телефоне. Галкин Игорь Михайлович.

– Сейчас позвоню, – пообещала я, – может, в медцентре уже починили электричество.

– Вот и славно, – обрадовался Леня, – а мы пока все оглядим.

Глава шестая

Макс приехал домой поздно, сел за стол, и тут раздался звонок в дверь.

– Мы кого-то ждем? – удивился Вульф.

– Вроде нет, – ответила я, поспешила в прихожую и увидела на экране домофона Лёню.

– Лампудель, открывай, – велел он.

Не успел Федотов войти в прихожую, как из недр квартиры выбежала Киса и бросилась к своему крестному с воплем:

– А что ты мне принес?

Я попыталась утихомирить девочку:

– Кисуля, дай Лёне ботинки снять.

– Развязывая шнурки, можно разговаривать, – парировала малышка.

– До меня дошла информация, что ты в лагере, – улыбнулся Федотов, – совсем взрослой стала.

– У нас пересменок, – деловито объяснила Киса, – скоро я опять уеду на неделю! Мне там жутко нравится!

– Так это вы Арина? – спросил мужской голос, и в холл вошел незнакомый мужчина.

– Да, – кивнула наша школьница, – но мне больше нравится имя Киса.

Незнакомец повернулся к двери:

– Давай!

В прихожей возник еще один гость, одетый в темный костюм и белую рубашку. Он поставил у вешалки здоровенную коробку.

– Спасибо, Федя, – поблагодарил первый мужчина, – пока свободен.

– Если буду нужен, то я за дверью, – сообщил Федор.

Леня выпрямился.

– Костя, перед тобой Евлампия, жена Макса Вульфа.

– Заочно знаю вас, – улыбнулся незваный гость, – я Константин Николаевич Волоков.

Потом он обратился к Кисе:

– Леонид пришел без подарка, потому что...

– Знаю, – отмахнулась девочка, – тетя Лиля забрала у него все из кошелька! Она деньгосос!

– Киса! – ахнула я. – Что за выражение?

– Дядя Леня сам так папе говорит, – затараторила девочка, – «сколько ни принесу, Лилька живо купюрам ноги приделает. Она деньгосос!»

Федотов крякнул и сунул ноги в тапки.

– Устами младенца глаголет истина.

Волоков продолжил беседу:

– Многоуважаемая Киса, мне неизвестно финансовое положение Леонида, но я попросил его не покупать вам презент, потому что хотел преподнести вам нечто приятное, опасался: вдруг Федотов меня по части подарка переплюнет! Открывайте!

Кисуля подпрыгнула:

– Коробка мне?

– Вам, – подтвердил Волоков.

– Все внутри мое? – уточнила Киса.

– Конечно, – кивнул Константин. – Полагаю, вы умеете читать?

– Естественно, – ответила девочка.

– Тогда изучите название на крышке, – попросил Волоков.

Кисуля приблизилась к упаковке.

– «Изумрудный город у тебя дома». Ой! Ой! Ой! Я о таком мечтала! Там и Элли, и Тотошка?

– Страшила, Железный Дровосек, трусливый Лев, Гудвин, Бастинда – все-все-все, – заверил Константин, – с домами и вещами.

Я посмотрела на Кису и поняла, что такое «квадратные глаза».

– Я хотел, чтобы мой презент Кисе запомнился, поэтому ваш крестный пришел с пустыми руками, – сказал Константин, – я испугался, вдруг он принесет что-то намного лучшее.

– Это невозможно, – прошептала Киса, – помогите отнести Изумрудный город в детскую. Макс, который молча стоял в прихожей, улыбнулся.

– Сейчас.

Киса умчалась в детскую.

Когда здоровенная упаковка переместилась в комнату Кисы, мы все прошли в столовую.

Леня сел и сразу начал деловую беседу:

– Женщина, которую обнаружили в мастерской Егора Куркина, предположительно соседка сверху. Супруга...

Федотов посмотрел на Константина, тот кивнул и сам продолжил:

– Постараюсь ввести вас в курс дела. Семья, которая нынче живет над апартаментами Куркиных, ранее состояла из двух человек и занимала другую квартиру. Кирилл Петрович и Майя Алексеевна Годины поженились вскоре после окончания школы и знали друг друга с детства. Кирилл полиглот, свободно владеет разными языками: английским, французским, немецким, испанским, китайским, японским, литературным арабским и рядом диалектов. Он гениальный переводчик, участвует в разных переговорах, владеет информацией, которая не предназначена для чужих любопытных ушей. Майя Алексеевна режиссер, поставила много спектаклей, ее уважали и любили актеры. К сожалению, она умерла, у нее случился инсульт. Кирилл остался один, ему тогда еще пятидесяти не было, в наше время возраст почти юный.

Константин потер ладонью затылок.

– Не стану вам говорить, где и кем служит Годин.

– И не надо, – кивнул Макс.

– Руководству доложили о смерти Майи, – продолжал гость, – все забеспокоились. Понятно, что рано или поздно появится некая особа, которая понравится вдовцу. Где гарантия, что она окажется такой же умной, понимающей, интеллигентной, как Майя? Не станет рассказывать подругам о работе мужа? Еще хуже будет, если Кирилл, который с юношеских лет жил только с Майей, пустится во все тяжкие, ему голову начисто снесет. Не зря народ сложил поговорку: «Седина в бороду, бес в ребро». И уж совсем плохо будет в случае, если Кирилл найдет родственную душу с безупречным поведением, заключит новый брак, а потом выяснится, что вторая супруга сотрудница иностранной разведки. Понятно объясняю?

– Более чем, – сказал Макс.

Константин продолжил:

– Через год после того, как Годин овдовел, он познакомился с Оксаной. Чернова дочь генерала, умная, прекрасно воспитана, примерного поведения. Служит там же, где Кирилл, но намного моложе его. Никаких порочащих связей и любовников у нее в анамнезе нет. Учитывая возраст, скорее всего не девушка. Но о ее личной жизни информации нет. Отец Черновой был жестким, суровым, держал единственную дочку в ежовых рукавицах. Он умер вскоре после помолвки дочери и Година. Оксана не болтлива, вежлива со всеми, но в душу к себе никого не пускает. Привлекательна внешне. Выглядит моложе своего возраста. Не имеет детей, никогда не выходила замуж. Брак с Годиным у нее первый. Чернова чтит память Майи Алексеевны, всегда ездит с мужем на кладбище, где похоронена его первая супруга. В новом браке Кирилл Петрович просто расцвел, скинул лишний вес, начал ходить в фитнес, в театры. И вдруг! Оксана спит в мастерской соседа!

Константин сделал глоток чая.

– Как только нам сообщили, где находится Чернова, мы поговорили с Егором по телефону. Тот объяснил, что соседка решила заказать для мужа на день рождения картину. Свой портрет, копию «Данаи» Рембрандта. Вот только позировать обнаженной она не собиралась, решила надеть красивую пижаму. И очень просила, чтобы Елена, супруга Егора, ничего не знала о заказе, сказала: «Вдруг она встретит Кириюшу в подъезде и проболтается! Испортит сюрприз».

– Удивительно, – пробормотала я.

– Что именно? – тут же поинтересовался Константин.

– «Даная» – картина мифологического жанра, – объяснила я, – но женское тело и весь антураж написаны реалистично. Ангел над изголовьем смахивает на украшение. И это определенно небесный житель, а не кто-либо еще. Вы видели полотна Куркина?

– Пока не довелось, – признался Константин.

– Сейчас покажу, – пообещала я, сбегала в библиотеку, принесла буклет и положила на стол, – вот!

Гость пролистал страницы.

– Да уж! Теперь и меня удивляет, почему Чернова обратилась к этому живописцу. Может, она хотела заказать нечто в духе Босха или Чюрлениса?² Но обсуждения картины не состоялось, во время телефонной беседы с художником выяснилось, что Егор отказал Оксане, сказал, что у него уже есть заказчик и он на днях приступит к работе. После того как он напишет то, что хочет клиент, ему надо отдохнуть. Предложил прийти через два-три года. Чернова попыталась его уговорить, но ничего не вышло. Поведение живописца показалось мне странным. Окажись я на его месте, мигом бы согласился и на вторую картину. У творческого человека нет фиксированного оклада. Клерку в конце месяца зарплату выдадут, даже если он на службе ворон считал. У Егора иначе. Продал картину, и семья одета и сыта. Не продал? Все голодные и голые.

– Куркин лентяй, – сказала я, – его волнует только он сам. Он не переживает, что жена ни свет ни заря встает и на работу спешит. Егор годами ничего не делает, Лена семью содержит.

– Простите, – сказал Константин и вынул телефон. – Слушаю, Гена. Так. Ты уверен? Что говорит? В салон ходила? Что там можно делать почти целый день? Ответила? Пока не понимаю. Завтра встретимся. Реакцию опишу. Уверен? Хорошо.

Собеседник долго объяснял что-то Волокову, наконец Константин вернул мобильный в карман.

– Смерть Черновой... – начал Леня.

– Она только что вернулась домой, – заявил Волоков.

– Кто? – подпрыгнула я.

– Оксана, – ответил Константин. – Она только что вернулась домой, там дежурил мой сотрудник, – Гена удивился, поинтересовался у дамы, кто она. «Я жена Година Оксана, муж сейчас в командировке, его нет в Москве», – ответила незнакомка. Гена на секунду опешил, потом спросил: «А где вы были?» Оксана приподняла брови. «Почему я должна удовлетворять ваше любопытство? С кем имею дело?». Гена показал удостоверение, Чернова улыбнулась и вынула из сумочки свое. «Поскольку супруг вернется через несколько дней, я решила устроить себе день отдыха. Отправилась в СПА-салон. Провела там много времени. Давайте поднимемся в квартиру».

---

² Иероним Босх – нидерландский художник 1450–1516 гг. Микалоюс Чюрленис – литовский художник 1875–1911 гг.

Глава седьмая

Волоков сделал глоток чая и продолжил:

– В апартаментах у Гены отпали все сомнения. Женщина определенно являлась хозяйкой. Она знала, где что лежит, не нервничала, но проявила уместное любопытство, спросила: «Почему вы с подозрением смотрели на меня?» Гена знал о моей беседе с художником, он не сообщил о даме в мастерской, но рассказал о заказе картины у Егора. «Я? Решила сделать сюрприз Кириллу? – заморгала Оксана. – Даная в пижаме? Глупость какая-то. Да, у супруга скоро день рождения, но он не любит праздников, подарков, фейерверка, хлопушек, плясок. Я с ним солидарна. А насчет подарков... Мы вместе выбираем интересное место и отправляемся туда праздновать дату. На именины Кирилла в этом году едем в систему пещер-каменоломен, их называют «Сьяновские», они находятся в районе Домодедова». «У вас есть родная сестра?» – спросил Геннадий, который знал, что дама в коме немного похожа на Оксану. «Нет», – коротко ответила собеседница. «А двоюродные?» – не отставал агент. «Не исключено, что есть таковые, – заметила Оксана, – мои родители воспитывались в детском доме. Маму нашли на вокзале без документов, папу подбросили на порог интерната сразу после родов. Им повезло, двух младенцев взяла прекрасная семья. От детей никогда не скрывали, что у них нет общей крови. И в двадцать лет ребята поженились. Но сейчас ни мамы, ни папы нет в живых. Думаю, они знали имена своих биологических родителей, просто не хотели мне их сообщать. Была там какая-то мутная история, о ней мне решили не говорить. Ну согласитесь, странно, когда берут сразу двух ребятшек». А потом она вежливо дала понять, что устала. Гена ушел. Это все, что он пока выяснил.

– Лена никогда не заходила в помещение, где работает муж, – повторила я, – но сегодня она нарушила это правило, увидела там, как ей подумалось, Оксану и убежала. Неудивительно, что Яковлевой стало плохо. Я сама здорово перепугалась. А Лену прямо колотило в истерике. Я не рассказала еще вам про домашние тапочки! Катя Захарова, наша общая с Леной подруга, уверена, что у Егора роман с Оксаной. Один раз Екатерина пришла к Куркину, а у того в прихожей тапки, на которые Лена даже смотреть не стала бы.

– Страшные такие? – усмехнулся Константин.

– У них помпон из натурального меха и цвет розовый, – пояснила я, – Елена против убийства животных, а цвет поросенка не относится к числу ею любимых.

В столовую примчалась Киса:

– В моем замке в Изумрудном городе есть погреб!

– Удивительно, – обрадовалась я, – разбирай все аккуратно, вдруг еще что-то необычное обнаружится.

Кисуля умчалась в детскую.

– Угодил я с подарком, – засмеялся Константин. – Интересно, что могло бы вызвать у меня сейчас такую аптекарски чистую радость?

Я встала.

– Может, хорошая порция мороженого? Какое предпочитаете?

– Кто? Я? – удивился Константин.

– Мне ванильное, с вареньем, – сделал заказ Леня.

– Мороженое? На ночь? – продолжал недоумевать Волоков.

– Боишься растолстеть? – ухмыльнулся Федотов.

– На моей работе даже если захочешь разжиреть, не получится, – заметил Константин, – но пломбир едят днем.

– Кто это сказал? – засмеялась я.

– Лампа точит его ночью, – сдал меня Макс, – и меня приучила. Делюсь рецептом. Два шарика ванильного и немного коньяка.

Константин поморщился.

– Вкус, наверное, специфический. Вот виски может подойти.

Вульф пошел к бару.

– Есть односолодовый, single cask.

– Ух ты, – обрадовался гость, – идет. Только мне мороженое и алкоголь в разную посуду.

Макс взял бутылку.

– Думаешь, я делаю коктейль из этих ингредиентов?

– Человек, который лопаёт по ночам пломбир, и не на такое способен, – заявил Леня. – Лампа, твой телефон давно мигает. Отключила звук, а на экран не смотришь.

Я схватила трубку.

– Кто там? Входите!

Федотов заржал.

– Теперь попроси того, кто трезвонит, ботинки снять.

Я вышла из комнаты. Время позднее, я хочу спать, вот и лягнула глупость. И конечно, Леня не оставил ее без внимания.

– Добрый вечер, слушаю вас.

– Лена, это Энн, – прозвучало в ответ.

Я едва не сказала: «вы ошиблись номером». Но вовремя вспомнила, что Энн продюсер девицы Бубы. А звонит она Елене Яковлевой, которая является пиарщиком крикливого соловья, и бодро солгала:

– Я узнала вас. Чем могу помочь?

– Честно скажу, – завела Энн, – ты не очень нам понравилась. Чушь понесла про смену псевдонима, но потом я подумала: можно попробовать, а вдруг сработает? У нас концерт скоро в клубе «Лошадь сдохла». Площадка не самая популярная, но Тане пока не приходится выбирать. Мест там сорок, несколько столиков на разное количество гостей. Они жрут, пьют, на сцене поют. Денег не заплатят, мы за пиар работаем.

– Не самое удачное имя для эстрады, – отметила я, – там Тань, Танюш, Танечек много.

– Наша аудитория оборжется и над фамилией Бубликова, – неожиданно рассердилась Энн, – поэтому на афише указано Буба! Билеты очень плохо продавались, вообще никак. За две недели только три штуки взяли. Вчера управляющий написал: «Если половину столиков не займут, отменю концерт». Ну и я поздно вечером от безнадеги изменила афишу, написала: «Единственное выступление певицы “Гнилое жало лягушки”». Твой вариант использовала.

Я потрясла головой. «Лампа, ты такое придумала»? Ну и ну! Похоже, на меня, размахивая дубиной, напало вдохновение, стукнуло девушку с дипломом консерватории по затылку, и та скреативила про жабенку. Ох, зря Ленка попросила меня о помощи, я провалила задание.

– И что получилось? – продолжала Энн.

Я втянула голову в плечи. Сейчас мне заявят: «Тебя вытурили с позором на улицу».

– Все места улетели за час, – взвизнула продюсер, – а народ все валит, злится, что билетов нет. Управляющий в спешке новые столы притаскивает. Извини, что плохо о тебе подумала. Мы теперь работаем вместе. Это первый концерт Танюхи. Можешь придумать, как ей себя вести, чтобы из толпы выделиться? И журналюг заинтересовать?

– М-м-м, – пробормотала я, до предела удивленная тем, что услышала.

– Пожалуйста, дорогая, – взмолилась продюсер, – для меня этот проект очень, очень, очень важен. Если получится вызвать у публики интерес, прибавлю тебе зарплату.

– Жадность – лучший двигатель моей умственной деятельности, – ответила я, – хорошо, попробую.

Глава восьмая

Утром мне позвонила Катя:

– Знаешь, как у Ленки дела? Она пока трубку не берет! Яковлева в медцентре Галкина. Наверное, сейчас там обход, поэтому у ее телефона звук выключен. Ты к ней сегодня поедешь? Или работаешь? У меня выходной, да отдыхать некогда. Надо рулить к Егору, изучить, что у него в холодильнике есть, и обед сделать.

– Думаешь, он обрадуется? Куркин терпеть не может посторонних, – напомнила я.

– Никогда бы не полезла к мужику, не нужен он мне, – воскликнула Катя, – уж могла бы найти себе в долгожданный свободный денек более приятное занятие. Да Ленка попросила супруга обиходить.

– Ты с ней разговаривала? – удивилась я. – Вроде сказала, что не дозвонилась.

– О Егоре мы беседовали в тот день, когда Яковлевой диагноз сообщили, – объяснила Захарова, – Ленка в истерике свалилась, плакала: «Положат меня в клинику, что с Гошиком будет тогда? Кто его накормит? Квартиру уберет? Постирает вещи? Погладит? Мне, наверное, не разрешат днем домой уезжать, чтобы хозяйством заниматься»: Яковлевой нервничать нельзя, сразу состояние ухудшается. Ну и я пообещала, что на время ее отсутствия встану у руля ее домашнего корабля. Неохота – жуть, но что делать? Ленуська на меня надеется. Если она тебе звякнет, скажи: «Катя у Егора обед готовит. Пусть она со мной соединится».

– Хорошо, – пообещала я, положила трубку на стол, а та мигом зазвонила, на этот раз меня разыскивал Костин. Забыв поздороваться, он сразу спросил:

– Когда появишься? Через час успеешь?

– Да, – подтвердила я, – а почему такая спешка?

Но Володя уже отсоединился. Я зевнула и побрела в ванную. Интересно, как долго Егор выдержит присутствие Кати в квартире? Выгонит ее через десять минут или дождется, пока ему борщ сварят? Может, Куркин вообще не впустит подругу жены? И что за женщина лежала в его мастерской? Она немного похожа на Лену до ее похода в салон.

Я вошла в ванную и посмотрела в зеркало. У меня голубые глаза и самые обычные черты лица девушки, которая родилась и выросла в Москве. Волосы светлые, нос, подбородок, щеки – все как у всех. Никаких особых примет нет. Если я надену парик с длинными белокурыми локонами, тоже стану похожа на ту даму. Вот от Лены, которая неожиданно радикально изменила внешность, теперь отличаюсь. Интересно, почему Яковлевой взбрело в голову перекраситься в брюнетку да еще постричься? У нее вся косметика и одежда подобраны для голубоглазой светловолосой девушки. Придется Лене покупать обновки и косметику. Но Егор ей денег на платья, блузки, юбки никогда не даст. И на моей памяти подруга никогда не принимала важных решений спонтанно. Впрочем, и не важных тоже. Яковлева из тех людей, которые сначала все обдумают, рассмотрят с разных сторон, взвешают все «за» и «против», оценят материальные риски, а уж потом решат: надо ли перевоплощаться. Ленка бы непременно вспомнила про свои нежно-пастельные летние платья, которые мало годятся для жгучих брюнеток. Им подходят яркие насыщенные тона. И содержимое косметички тоже потребует изменения. Большие, однако, расходы. У Лены сейчас напряженно с деньгами, но она поспешила превратиться в цыганку Азу. Почему? Без очень серьезной причины подруга так не поступила бы.

Я схватила зубную щетку. «Давай, Лампа, поторопись, надеюсь, полчаса на сборы хватит».

Спустя тридцать минут я села за руль, на удивление быстро добралась до офиса, вошла в кабинет и с порога задала вопрос:

– Что случилось?

– Константин Николаевич просил ему помочь, – объяснил Володя, – никому об этом рассказывать нельзя. Волоков занимает в своей структуре высокую должность, но на троне не он сидит. Есть человечки повыше Кости. Сверху сегодня позвонили и ласково пожурили Костю: «Не наше это дело. Художник никому не интересен. Да, дама в его мастерской похожа на Оксану, а теперь подумай, сколько таких баб по улицам бегают? Пусть этим делом занимается район».

– Интересно, – пробормотала я.

– Константину Николаевичу тоже так показалось, – подчеркнул Володя, – да, несколько раз за его карьеру вышестоящее начальство просило Волокова не усердствовать, не рвать печень, не нервничать, а отправить какое-то дело в архив и забыть о нем. Но так откровенно и быстро наверху среагировали впервые. Константина одолело любопытство. Он попросил меня установить, кого нашли в кровати Егора, и предоставил материалы на художника и Елену, которые успел нарыть. Я начал их изучать, и выползли из тьмы бесы.

– Бесы? – повторила я. – Какие?

– Елена Яковлева воспитывалась Зинаидой Тимофеевной Рыклиной, – начал Володя, – жительницей деревни Опанино Пермской области. И звали тогда девочку Рыклина Евдокия.

Я вытаращила глаза:

– Где? Кем? Какая Рыклина? Кто она? Лена рассказывала, что ее мама, Галина Алексеевна, отдала дочь сразу после рождения бабушке. Забыла ее имя. Девочка у старушки лет до десяти жила. Да, это было в деревне, но та находилась в Подмоскowie...

Я перевела дух, а Костин продолжил:

– Дай мне договорить. Рыклина скончалась, когда девочке стукнуло два года. Смерть ее не расследовали. Бабке исполнилось много лет. Прописаны она и внучка были в Опанино, а реальное место их обитания – заимка в глухом месте. Дом в тайге. О нем знали местные охотники, они порой заходили к Зине. Та никому в приюте не отказывала, кормила людей, поила, переночевать разрешала. Откуда у нее девочка взялась? Все считали ее внучкой Рыклиной. Вот только не знали, чья она дочь. Сына Юры или дочери Вали? Дети Зинаиды давно из Опанина смотались. Старшего призвали в армию, и больше он в село не возвращался. Валентина в шестнадцать лет умчалась в Пермь и поступила в медицинское училище. Навещали они мать или нет? Ответа не получим. Старуха жила в тайге, в деревню крайне редко заглядывала, о личных делах не распространялась.

– Жуть какая-то, – поежилась я, – пожилая женщина, одна...

– В тайге, – повторил Костин, – это тебе не подмосковный лесок с ежами и лягушками. Ну, лисы еще у нас могут водиться, ну, зайцы. А около Зинаиды медведи бродили. Воды в избе нет, центрального отопления тоже. Женщина воду носила, дрова колола, и все сама?

– А если заболела бы? – не утихала я. – Как врача вызвать?

– Никак, – отрезал Костин. – Лена в раннем детстве легко могла погибнуть. Спасли ее Ремизовы. Отец и сын отправились за грибами, устали, решили переночевать у Зины, а утром продолжить бродить с корзинами. Вошли в избу, а там хозяйка на кровати лежит, около нее девочка сидит, тихо играет. Зинаида была еще жива, она попросила подростка: «Вася, отведи Дусеньку к Насте Макаровой. Она за ней присмотрит. А Федя пусть со мной останется, вот-вот к Господу отойду, надо меня похоронить».

– Ужас, – выдохнула я.

– Были женщины в русских селеньях, – слегка перефразировал Некрасова Костин³, – они пережила Октябрьскую революцию, три войны: Первую мировую, Гражданскую, репрессии тридцатых годов, голод, отечественную... Зинаида умерла. Если учесть ее возраст, понятно: старуха не мать Лены. И кто ее родители? Самое вероятное, что дети Зинаиды.

---

³ «Есть женщины в русских селеньях С спокойною важностью лиц...» Н. А. Некрасов «Мороз, Красный нос».

Костин взял бутылку воды.

– Стали их искать. Юрий Рыклин умер в возрасте двадцати двух лет от туберкулеза. Теоретически он мог оказаться отцом Лены, но парень в браке не состоял и никакой ребенок на него не записан, Валентина Рыклина скончалась в двадцать от гангрены, ногу поранила. Замуж не выходила, детей не имела.

– Можно стать матерью или отцом и без штампа в паспорте, – возразила я, – и не регистрировать ребенка.

– У девочки была метрика, – сообщил Кости, – в качестве матери там указана Галина Алексеевна Яковлева, в графе отец стоит прочерк. Документ выдали в Опанине, в нем стоит печать местного сельсовета и подпись председателя. Все остальное покрыто мраком. Где родилась Елена, которую тогда звали Дусей? У кого? Каким образом она оказалась в избе в тайге? Вероятно, ответы знал мужчина, который выдал свидетельство о рождении, но он давно умер. Еще на заимке на столе лежали паспорт Зинаиды Тимофеевны и ее сберкнижка. На последнюю оформили завещание, в нем указывалось: «Все деньги после смерти владелицы счета отходят Евдокии Ивановне Рыклиной. Если той на момент вступления в наследство еще не исполнится восемнадцать лет, то вкладом может временно до совершеннолетия наследницы распоряжаться Галина Алексеевна Яковлева». То, что у Зинаиды появилась новорожденная, в селе узнали быстро, новость разболтала женщина, которая держала коз. Зина отродясь не пила молока, не нравилось оно ей. А тут вдруг начала брать каждый день по литру. И в конце концов рассказала, что из Перми ей привезли Дусю, той несколько месяцев. А детей-то лучше всего козьим молочком кормить и каши на нем варить. Любопытная баба давай спрашивать: кто такая Дуся, почему она не с матерью живет. Рыклина на ее вопросы не ответила. Вот все и решили, что малышку в подоле принесла матери Валентина. Зине стыдно признаться, что дочь шлюха, поэтому она и молчит. Кстати, вклад старушки в сберкассе оказался очень большим. Каждый месяц ей кто-то переводил немалые деньги. То, о чем мы говорим, случилось давно. Интернета тогда не было. Сберкасса, куда поступали средства, давно закрыта. Находилась она в городе, до которого ехать из Опанина часов семь-восемь. Зинаида жила особняком. От кого она родила двух детей, сына и дочь? Четкого ответа нет. Местные кумушки подозревали какого-то охотника. Наверное, он был любовником Рыклиной, та ведь не явилась на свет старухой. Константин позвонил приятелю и коллеге в Пермь. Попросил его отправить человека в Опанино. Там еще живы те, кто помнит Зинаиду. Все эти сведения, кстати, Волоков раздобыл в местном архиве полицейского управления.

– Значит, Рыклина водила знакомство с матерью Лены Яковлевой! – воскликнула я.

Глава девятая

– Да, – согласился Володя. – После смерти Зинаиды Галина взяла малышку, поменяла ей имя, фамилию, а отчество Ивановна осталось. Девочка долго жила в области в селе Маркино у Евдокии Петровны. Кем она приходилась Галине Алексеевне? Почему она отправила младенца в глушь? По какой причине ребенка зарегистрировали в сельсовете в Опанине? Ответа нет. Когда Дусе-Елене исполнилось десять, Евдокия Петровна скончалась, Галина Алексеевна забрала школьницу к себе.

– Лена никогда не говорила о тайге и Зинаиде, – пробормотала я.

– Скорей всего она не помнит, где прошли два первых года ее жизни. Думает, что ее с рождения поднимала Евдокия Петровна из Подмоскovie, – предположил Костин.

– Подожди, – остановила я Вову, – мать Галины звали Евдокией. И так же обращались до двух лет к Елене. Может, это не случайное совпадение? Яковлева мать малышки, ей доверили деньги по завещанию? Вдруг Галина родня Зины?

– Возможно, – согласился Костин, – но имя Евдокия не уникальное. Сейчас оно не на пике популярности, но нельзя считать его редким, как, например, Мировия, Евлампия. Возможно, это просто совпадение. Вероятен и такой вариант: Яковлева не имеет ни малейшего отношения к своей дочери. Она посторонняя женщина, не родная Лене по крови. Зинаида, понимая, что из-за возраста может не дожить до того, как девочка повзрослеет, договорилась с Галиной. Оставила ей накопления в обмен на признание ребенка Яковлевой своим и сделала малышке метрику. В сельсовете при условии, что дружишь с его председателем, получить подобный документ не оставило бы труда.

– Похоже, Лена ничего о том, что ты сейчас рассказал, не знает, – заметила я, – она очень обижена на мать, которая к ней неприязненно относится, но если Лена не родная дочь Галины, тогда все понятно.

– Не счесть числа парам, которые берут малыша из интерната и любят его до беспамятства. Но не каждые приемные родители хорошо обращаются с воспитанниками, – вздохнул Костин, – и есть люди, которым плевать на кровных детей. История Лены не страшная. Но странная! Теперь посмотри на фото!

Костин повернул ко мне экраном ноутбук.

– Это кто?

– Ленка, – тут же ответила я, – только она здесь полнее, с роскошным бюстом. И прическа другая, и одета странно. Домашние красные тапочки на ногах! Они в полном конфликте с одеждой. Мини-юбка! Кофта с глубоким вырезом. В руке поднос. Это официантка! Снимок сделан, наверное, в семидесятых годах прошлого века. Тогда в моде были очень короткие платья, обтягивающие блузки. И волосы именно так укладывали. Незнакомка очень красивая, прямо картинка. И похожа на Лену. Но у моей подруги никогда не было такой фигуры, размер груди намного скромнее, талия не ярко выражена. Лена упрощенный вариант той, что на старом снимке. Но сходство Яковлевой с незнакомкой очень велико. Возможно, они родственницы. Кто на фото?

– Перед тобой Галина Алексеевна в молодости, – ответил Костин, – но на сто процентов уверенности в том, что она мать Елены, нет. Порой чужие друг другу люди обладают удивительным сходством.

– А мне кажется, что эти чужие просто не знают правды, – заметила я, – много всего происходило на Земле, не одну семью разметало по разным странам. Давай вспомним Вторую мировую войну. Фашисты угоняли в Германию советских подростков, те работали батраками у немцев. Не все хозяева плохо относились к рабам. Случалось, что простые крестьяне, получив в бесплатные помощники подростка, заботились о нем. Порой девушка или юноша стано-

вились членами семьи, а потом превращались в зятя-невестку. После победы такие молодые люди не хотели возвращаться на родину, они боялись, что там их отправят в лагеря на много лет. Все связи с семьей, которая осталась в СССР, обрывались. Если же выяснялась правда, что угнанные в рабство живы, они тайком передавали о себе весточку: у нас все хорошо, в Германии завели семью, но теперь пугались уже те, кто остался в Стране Советов. Они знали: за общение с предателями родины (а таковыми считали всех пленных или насильно увезенных) всю родню могут отправить в далекие деревни или в лагеря на просторах Сибири. И не отвечали на письма. Шло время, старшее поколение уходило, младшее вырастало, у него появлялись дети. И вот они уже понятия не имели, что в Европе, Америке и в разных других странах у них есть кровная родня.

– Ты права, – согласился Костин, – я знаю историю, как одному парню искали донора костного мозга. В России такового не нашли, сделали запрос в иностранный банк. Обнаружился лишь один подходящий человек, уж очень редкая кровь. Этот мужчина согласился поделиться своим костным мозгом, но высказал странную просьбу, написал рецепиенту: «Если есть фото вашей бабушки, отправьте его мне». После получения снимка испанец немедленно пригласил больного в Мадрид. И наш парень увидел в аэропорту... свою маму, которая осталась в Москве. Выяснилось, что в тысяча девятьсот восемнадцатом году две девушки тринадцати и шестнадцати лет, юные княжны, приехали с родителями из Питера в Одессу, чтобы уплыть на корабле в Константинополь, семья убежала от комиссаров. Во время посадки толпа отгнала младшую, и она осталась в Одессе. Это была бабушка больного парня. А вторая девочка добралась в конце концов до Франции, где вышла замуж за испанца... Она бабушка донора. У испанки и у россиянки родились дочери, похожие друг на друга как близнецы. И появились внуки⁴.

– Чего только не бывает в жизни, – улыбнулась я.

Костин опять повернул ко мне ноутбук:

– Глянь на эти фото. Слева Чернова, посередине молодая женщина из мастерской Егора, личность ее пока не установлена. Справа Елена Яковлева до того, как она изменила цвет волос и прическу. Что скажешь?

Я уставилась на снимки:

– Оксана и Елена похожи. Близнецами их нельзя назвать, но за родственниц сойдут.

– И возраст совпадает, – уточнил Костин, – а вот даты рождения разные.

– И та, кого нашли в мастерской Егора, смахивает на родственницу Черновой, – сказала я, – с Оксаной у нее больше общих черт. Но глаза у всех трех женщин одинаковые. Ух ты! Смотри.

– Что? – прищурился Володя. – Куда глядеть?

– На брови, – уточнила я. – Видишь?

– Вижу брови, – подтвердил Костин.

– Может, есть детское фото Елены? – поинтересовалась я.

– Да. Сейчас покажу. К сожалению, у нее в соцсетях оно одно, – ответил Володя, – нынче-то у детей тысячи снимков.

– Мы росли в доинтернет-эпоху, – сказала я, – про мобильные с камерами тогда никто не слышал. Взрослые каждый год нанимали человека с камерой, детей выстраивали на ступеньках школы. Фотограф делал несколько общих кадров, потом портрет каждого ребенка. В выпускном классе получался альбом. У меня был такой.

---

⁴ Подлинная история. Ее рассказал автору один из участников программы «Я очень хочу жить», которую Дарья Донцова ведет на канале «Спас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.